

Георгий Менглет:

БЫТЬ АРТИСТОМ — ЗНАЧИТ ДЕЙСТВОВАТЬ

Народному артисту СССР Георгию Павловичу Менглету исполнилось 75 лет. Нет нужды представлять актера — его знают, пожалуй, все. Больше сорока лет Георгий Менглет — актер Московского театра сатиры. Ведущий актер, он по-прежнему полон творческих замыслов, его по-прежнему отличает темперамент гражданина, художника — неравнодушного и требовательного.

Когда я сыграл «Мусорщика» в одном из телевизионных фильмов «Следствие ведут Знаатоки», ко мне пришел зритель, оказавшийся ответственным работником прокуратуры, и сказал: «Не хотел бы я, Георгий Павлович, чтобы вы были моим подследственным». Я благодарен этому человеку за столь высокую оценку моего труда. Но боюсь, что не только я, а, быть может, и он не могли себе представить истинные масштабы всех тех социальных болезней, которые позволили пышным цветом расцвести «мусорщикам», трегубовым, ростовской торговой мафии, узбекским хлопковым «королям» и другим негативным явлениям, о которых мы сейчас говорим и пишем открыто. И очень хорошо, что говорим. Ведь для того чтобы болезнь вылечить, надо поставить точный диагноз, как бы ни был он жесток. А мы долгие годы были похожи на врачей, которые пичкают больного витаминами, вместо того чтобы срочно позвать хирурга. И все-таки...

Есть в искусстве нечто такое, что меня, отдавшего ему чуть ли не шестьдесят лет, не перестает изумлять. Смотрел я недавно документальный фильм «Чем пахнут деньги», и в его «героях» узнавал своего «Мусорщика». Особенно когда они перед следователем распинались в своей любви к Родине, безупречной служебной анкете. Значит, удалось нам тогда почувствовать болезнь, грозящую обществу, «вычислить» распространившийся ныне тип руководителя-вора.

Страшная это вещь — социальное перерождение, когда двойная мораль становится не только естественной, а даже органичной. Вот почему, когда я думаю о судьбе перестройки, мне кажется, что одно из условий ее успеха — это не лгать. Не лгать родным, товарищам по работе. Не лгать читателям и зрителям. И прежде всего не лгать самому себе. Есть такое присловье: «Скажи, кто тебе нужен — правда или ее двоюродный брат?». Многие годы мы были вынуждены довольствоваться «двоюродными братьями и сестрами» правды, обманывали сами себя. Все это время исправно выходили книги, фильмы и спектакли, в которых чрезмерно преувеличивались скромные достижения и лакировались любые «шероховатости» жизни.

Искусство должно быть замешено на правде. Наш человек вынес на себе гражданскую и Великую Отечественную, голод и холод, трагические потери не только военного времени... Он на своем веку перенес почти все, что только может быть отпущено целой эпохе. И он знает, почему фунт правды. И тем не менее беззащитное украшательство, демагогия, спекуляция на главных вопросах и болезнях нашей

жизни продолжают безбедно существовать в литературе и искусстве. Мне понравились многие выступления на последнем писательском съезде своей остротой, гражданской озабоченностью. Но давайте будем честными и последовательными. Там немало говорилось о потоке серых, исключительно живучих и пробивных произведений, которые отталкивают произведения талантливые. Предлагаюсь прямо и невзирая на лица критиковать недостатки пусть даже произведений авторитетных авторов». Однако дальше общих слов дело не пошло.

Мы много думаем о перестройке, много говорим о ней, и это, конечно, хорошо. Но для иных, к сожалению, этим и ограничивается участие в общем ее процессе, в то время как необходимо действовать. Актеру глагол «действовать» знаком с «младых ногтей», с первых секунд соприкосновения с искусством он изначально входит в его профессию. Действующие лица... Ваш выход в первом действии. А действие, сопряженное с ложью, особенно опасно. Но всегда ли удается ее избежать? Это нелегко, ведь театр связан с жизнью, подобно сообщающимся сосудам, и фальшь, помпезность, коллективное самодовольство общества непременно оказывают свое влияние на определенные участки искусства. Но это необходимо, ибо, только избежав лжи, театр по-настоящему действующий, а значит — нужный людям.

Прожив достаточно длинную жизнь и анализируя свои поступки, я прихожу к убеждению: когда я лично в искусстве что-то делал не по совести, пытался обмануть себя или кого-нибудь, это

всегда оборачивалось плохо. Потому что малодушие никогда ничего хорошего и не может принести. Из того, что мне приходилось видеть в искусстве или даже быть участником, я многому не верил. Но я молчал, а порой даже аплодировал, касалось ли это театра, кино, литературы или живописи. Это обеспечивало мне некую душевную безмятежность, определенное духовное и материальное успокоение. Ну, перемолчал. Ну, поаплодировал... Вот такие субъективно-трусливые соображения. Но как выдвинуть из себя эти капли духовного рабства, как перекроить себя на тот единственно возможный лад, который необходим для жизни в новых условиях, открытых нам партией? Не желая очернять искусство и не присваивая себе права быть судьей многому из того, что делалось, все-таки скажу.

Мы уже боролись в свое время с формализмом и бесконфликтностью. Боролись яростно и не всегда убедительно. Били по искусству, не поставив диагноза, не определив «болевых» точек. Часто воспевали неправду. Убежден, что нашему обществу, которое, развиваясь, возможно, делает ошибки, испытывает болезни роста, совершенно необходима сатира. Нам говорили, что «нужны Гоголи и Щедрины». И вместе с тем гениальные пьесы Маяковского «Баня», «Клоп» и «Мистерия-Буфф» не видели света рампы с конца двадцатых до начала пятидесятых годов. А острейшая, талантливейшая пьеса Н. Эрдмана «Самоубийца», о которой высоко отзывались Станиславский и Мейерхольд, Горький и Маяковский, пролежала под спудом десятилетия. И когда наконец благодаря личному мужеству

художественного руководителя Театра сатиры Валентина Плучека и при поддержке Сергея Михалкова она была поставлена, перестраховавшиеся чиновники от искусства сняли спектакль под предлогом, что она де устарела. И это говорилось о спектакле, бичующем в яркой гротесковой форме социальную утробность и мелко-травчатость, аполитичность и злобную демагогию, от которых мы так пострадали и продолжаем страдать сейчас, несмотря на благотворное воздействие гласности. А четыре года спустя, когда спектакль возобновили, вежливые рецензенты, «тогда» набравшие в рот воды, «теперь» сетовали, что пьесе надо было поставить раньше, что, мол, это уже пройденный нашим обществом и потому малоинтересный этап. А чем измерить потери? Не только актерские, но и общественные. Пусть меня извинят за то, что я касаюсь круга авторов только нашего театра. Но мне до сих пор непонятно, почему, просуществовав на нашей сцене, в сущности, несколько вечеров, исчез поставленный в 1965/66 году В. Плучеком прекрасный спектакль «Теркин на том свете»? Его участь разделили «А был ли Иван Иванович?» Н. Хикмета и «Ремонт» М. Рощина.

Не дай бог, если слова у нас в управлении искусством по-прежнему станут расходиться с делом. Или еще того хуже — само искусство станет услужливо перекраиваться под слова — таких «закройщиков», увы, во все времена хватает. Что-то вписываем в пьесы, прошлое вычеркиваем из учебников, как будто его и не было. Какое счастье, что перестройка и гласность остановили этот постыдный процесс фальсификации истории и наконец-то началось стирание «белых пятен»! И если у нас сейчас и есть острые проблемы, огромные трудности, то это не от обмана, а вопреки ему. Мы наконец-то начинаем жить по правде и верить в его самих себя.

Некомпетентность — вот еще наш опаснейший враг. Сегодня для того чтобы быть компетентным, мало иметь диплом по профессии. Нужно обладать новым образом мышления, не страшиться брать ответственность на себя, бросать вызов уравниловке, застою, бюрократизму, безответственности.

А как в искусстве? Сколько еще сидит на руководящих должностях людей, которым мы обязаны вчерашними поражениями, отмененными спектаклями, кинофильмами, пылящимися на полках, конъюнктурными поделками, поднятыми на щит? Многие из них пока еще при деле, хотя их некомпетентность очевидна. Прочел недавно в «Советской культуре» статью «Что читает секретарь райкома?». Поразила удручающей духовной ограниченности некоторых ответственных работников и тому, что это чуть ли не норма, а вот приход секретаря райкома в театр — это уж вообще исключение. Как же мы тогда поднимем духовность масс? В 1953 году Маризетта Шагинян попала на прием к министру культуры СССР Пантелеймону Кондратьевичу Пономаренко, старому большевику. Проговорив с ним часа два, она сказала ему на прощание: батенька мой, так вы, оказывается, культурный человек...

Совершенно очевидно, что так, как мы жили раньше, дальше жить нельзя. Я приветствовал создание Союза

театральных деятелей как шаг, направленный к обновлению нашей театральной жизни. Но не могу не заметить, что и тут за громкими голосами его руководителей пока не слышишь голоса тех, для кого союз создан — рядовых актеров. Почти ничего не изменилось в бедственном положении многих периферийных театров, большинства городских и тизов. Нам надо беречь актеров, истинных тружеников сцены. И еще надо очень беречь истинных театральных лидеров. Я верю в лидера. Только там, где он есть, возможен расцвет творчества.

За свою жизнь я сыграл, наверное, около ста семидесяти ролей, из них шестьдесят с лишним — в родном Театре сатиры. Но есть в этом списке и неглубокие роли из примитивных пьес, не давшие ни радости, ни удовлетворения. Если их вычесть, цифра стыдливо уменьшится. А если к ним добавить творческие неудачи, цифра, пожалуй, превратится в двухзначную. И, наконец, сделав честный подсчет, видишь, что удачи можно пересчитать по пальцам.

И тем не менее все роли — это моя жизнь, постоянный труд, надежда стать художником, обретения и потери, поиски правды, без которой все остальное — успех, благополучие — не имеют никакого значения.